КОНФЛИКТ И СТРАСТЬ

ЦЕНА НАШЕЙ НЕНАВИСТИ

18+

МАРА ДЭЙ

Мара Дэй

Цена нашей ненависти

«Автор»
2026

Дэй М.

Цена нашей ненависти / М. Дэй — «Автор», 2026

Три года назад он уничтожил мою семью. Сегодня я добровольно иду в логово зверя.Картер Кросс — ледяной и безжалостный гений, стерший в порошок компанию моего отца. Я ненавижу его каждой клетокой тела. Но когда жизнь моего младшего брата оказывается на волоске, у меня не остается выбора.
Я прихожу в его пентхаус и прошу о работе.Я думала, он растопчет меня. Вместо этого его темные глаза хищно сужаются: «Ты принята».Он превращает мои будни в ад, проверяя на прочность и пытаясь сломать. Он уверен, что держит меня на поводке из страха и ненависти. Но Картер не понимает главного: тонкая грань между яростью и безумным желанием уже трещит по швам.И когда этот лед рухнет, мы сгорим в этом огне оба.

© Дэй М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Точка невозврата 5
Глава 1. Хлоя. Сделка с 7
Глава 2. Хлоя. Добро пожаловать в ад 9
Глава 3. Трещина во льду 12
Глава 4. Воздух на двоих 14
Глава 5. Чужая территория 16
Глава 6. Игра с огнем 19
Глава 7. Точка невозврата 21
Глава 8. Пепел 23
Глава 9. Цена моей души 25
Глава 10. Цена сделки 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Мара Дэй
Цена нашей ненависти

Пролог. Точка невозврата

Запах антисептика в детских больницах всегда вызывал у меня липкую, подступающую к горлу тошноту. Теперь этот запах стал самой концентрированной, удушливой реальностью моей жизни, ее единственным неизменным компонентом. Я сидела в жестком, продавленном пластиковом кресле у самой кровати Лео, прислушиваясь к монотонному, нервирующему писку кардиомонитора. Каждый этот короткий звуковой сигнал отсчитывал секунды, которые неумолимо ускользали от нас, словно песок сквозь пальцы.

Мой десятилетний брат спал, разметав по подушке светлые кудри, и его бледное, почти прозрачное лицо казалось изваянием из воска в тусклом, болезненном свете ночника. Я осторожно, боясь потревожить его хрупкий сон, поправила тонкое больничное одеяло, стараясь не задеть пластиковую трубку капельницы, зафиксированную на его исхудавшей, синеватой от вен руке. Еще полгода назад он гонял мяч во дворе и смеялся так громко, что звенели стекла в гостиной. Сейчас от этого звонкого смеха остались лишь воспоминания, превратившиеся в осколки, которые каждый день резали мне сердце изнутри.

Телефон в кармане моего потертого пальто глухо вибрировал. Очередное уведомление из банка. Я даже не стала доставать устройство, чтобы посмотреть на экран, потому что знала наизусть каждую цифру своего катастрофического, уходящего в глубокий минус баланса. Счета за последние процедуры, за дорогие расходные материалы и пребывание в реанимации сожрали последние остатки семейных сбережений, которые отец собирал на мое поступление в колледж. Страховая компания после бесконечных бюрократических проволочек официально отказалась покрывать экспериментальную терапию. Они сослались на «недостаточную клиническую доказательную базу». А без этой терапии... Врачи больше не прятали глаза за дежурными улыбками. Они прямо сказали, что у Лео осталось не больше полугода.

Я закрыла глаза ладонями, чувствуя, как под горячими веками собираются злые, отчаянные слезы. Но плакать было нельзя. Роскошь в виде слез могли позволить себе люди, у которых есть подушка безопасности, время или хотя бы надежда. У меня не было ни того, ни другого. Слезы не способны оплатить счета за лекарства. Слезы не способны заставить сердце моего брата биться дальше.

Мне срочно нужна была работа. Не просто подработка в кофейне на углу или ночная сменщица в круглосуточном маркете на окраине города. Мне требовалась должность, способная принести огромные, нереальные деньги здесь и сейчас, способная закрыть шестизначные долги перед клиникой. Вчера глубокой ночью, когда больница погрузилась в тяжелый, медикаментозный сон, я от безысходности отправила резюме на вакансию личного ассистента генерального директора в «Кросс-Индастриз» — одну из самых влиятельных и безжалостных инвестиционных корпораций Нью-Йорка. Зарплата там исчислялась шестизначной цифрой, а социальный пакет включал в себя элитную медицинскую страховку, способную покрыть любые счета.

Я прекрасно знала, кому принадлежит эта империя. Знала, чье имя красуется на золотой табличке при входе в самый верхний, изолированный от внешнего мира стеклянный пентхаус.

Три года назад этот человек хладнокровно и расчетливо раздавил моего отца в зале судебных заседаний, уничтожил семейный бизнес, который строился десятилетиями, и вышвырнул нашу семью на улицу, обретя нас на нищету и позор. Я ненавидела Картера Кросса каждой клетокой своего израненного тела, каждым вздохом, каждой мыслью. Его образ олицетворял

для меня абсолютное зло. Но когда на кону стояла жизнь моего единственного брата, гордость перестала иметь хоть какое-то значение. Ради того, чтобы сердце Лео продолжало биться, я была готова спуститься в самый глубокий, самый омерзительный круг ада. Завтра утром мне предстояло перешагнуть порог его башни и впервые за три года посмотреть дьяволу прямо в глаза.

Глава 1. Хлоя. Сделка с прошлым

Мои ладони потели так сильно и непрерывно, что я до боли в пальцах сжимала в кулаках ручки дешевого картонного стаканчика с остывшим кофе, боясь уронить его на безупречно чистый мраморный пол.

Сорок восьмой этаж центрального офиса башни «Кросс-Индастриз» был буквально пропитан запахом больших, агрессивных денег. Здесь пахло дорогой натуральной кожей ручной выделки, полированным ценными породами древесины экзотическим деревом, редким парфюмом и тяжелым, звенящим холодом металла. Я судорожно поправила юбку своего единственного приличного строгого костюма, купленного на скорую руку в полупустой комиссионке на окраине Квинса, и попыталась сделать глубокий, размеренный вдох, чтобы унять дикую дрожь в груди.

— Мисс Хейс? — безупречная секретарша с идеальной укладкой в стиле каре и пронзительной, ледяной улыбкой, в которой не было ни капли тепла, кивнула на массивные двустворчатые двери из темного дуба, обитые шумопоглощающим материалом. — Мистер Кросс готов вас принять. Можете входить.

Сердце в груди пропустило дикий удар, а затем сорвалось с места, забившись где-то в самом горле, перекрывая доступ кислорода. *Мистер Кросс.* Одно только это имя мгновенно вызывало во мне физическую тошноту, тупой приступ головокружения и волну глухой, обжигающей ярости.

Я сжала зубы так сильно, что заныли челюсти, толкнула тяжелую дверь, которая бесшумно подалась под моей рукой, и переступила порог просторного кабинета с панорамными окнами на всю стену, открывающими головокружительный вид на залитый утренним туманом Манхэттен.

Он стоял ко мне спиной, засунув руки в карманы безупречно скроенного темно-синего костюма от Brioni. Широкие плечи, напряженная, словы высеченная из камня линия спины. Когда тяжелая дверь за моей спиной тихо щелкнула, автоматически закрываясь и отрезая меня от внешнего мира, он не спеша обернулся.

Картер Кросс.

Время, казалось, замерло, отказываясь двигаться дальше. Прошло три долгих года, но он ничуть не изменился. Те же пронзительные, темные, почти черные глаза, которые смотрели на окружающий мир с абсолютным презрением хозяина жизни, знающего себе цену. Те же резкие, хищные, будто высеченные резцом черты лица, та же холодная уверенность в каждом движении. От его высокой фигуры исходила такая тяжелая, подавляющая, давящая на психику энергетика, что мне инстинктивно захотелось сделать шаг назад, сбежать обратно в спасительный лифт. Но вместо этого я расправила плечи и заставила себя вскинуть подбородок еще выше, демонстрируя показную твердость.

Его цепкий, оценивающий взгляд медленно скользнул по моему лицу, на секунду задержался на моих плотно сжатых в тонкую линию побелевших губах, а затем презрительно опустился на дешевый лацкан моего заношенного пиджака. В его темных, бездонных глазах не мелькнуло ни малейшего удивления или растерянности. Только холодный, расчетливый, хищный интерес исследователя, наблюдающего за судорогами насекомого под микроскопом.

— Хлоя Хейс, — его голос прозвучал низко, с красивой, бархатной хрипотцой, которая почему-то предательски пробрала меня до самых костей. — Признаться честно, я никак не ожидал увидеть твое упрямое лицо в своей приемной. Неужели ты решила, что мы в свое время недостаточно разрушили жизни друг друга?

— Вы до основания разрушили мою жизнь, мистер Кросс, — мой голос на секунду дрогнул, выдав внутреннее напряжение, но я тут же железным усилием воли взяла себя в руки, вкладывая в каждое слово весь накопленный за годы яд. — Ваша же, судя по всему, процветает в полном порядке.

Картер неторопливо, с ленивой грацией крупного хищника обошел свой массивный рабочий стол, приближаясь ко мне. Он остановился всего в метре от меня. Слишком близко. В воздухе сразу же отчетливо запахло его дорогим парфюмом — терпким древесным ароматом с отчетливыми нотками черного перца, горького миндаля и чистой опасности.

— Зачем ты пришла сюда, Хлоя? Чего ты добиваешься? — в его голосе не было ни эмоций, ни жалости.

— Вы официально ищете личного ассистента. Я ищу высокооплачиваемую работу. Вот и вся математика.

— Ты ненавидишь меня лютой ненавистью, — он констатировал это как очевидный факт, словно констатировал погоду за окном. — Ты не продержишься здесь и одного рабочего дня, выполняя мои приказы и подчиняясь моим правилам.

— Вы откровенно недооцениваете степень моей мотивации, мистер Кросс.

— А ты катастрофически недооцениваешь то, каким невыносимым, жестким и деспотичным тираном я могу быть, когда захочу, — он слегка склонил голову набок, а его глаза потемнели еще сильнее, превращаясь в черные омуты. — Я выжму из тебя абсолютно все соки. Я заставлю тебя пахать по четырнадцать часов в сутки без права на передышку, аннулирую твои выходные и буду постоянно требовать невозможного. Рано или поздно ты сломаешься.

Я с такой силой впилась ногтями в собственные ладони через ткань брюк, что кожа заныла от боли, но это помогло мне не сорваться на крик. Перед глазами мгновенно встал бледный образ Лео в больничной койке.

— Я не сломаюсь, — тихо, но чеканя каждое слово произнесла я, глядя прямо в его безжалостные глаза без единой тени страха. — Потому что вы мне нужны. Точнее, не вы сами, а ваши чертовы деньги.

Тишина, повисшая в огромном кабинете, стала настолько плотной и осязаемой, что ее можно было резать ножом. Картер смотрел на меня долгим, немигающим взглядом, изучая каждую мою эмоцию. Между нами натянулась невидимая струна, искрящая от высоковольтного напряжения, замешанного на старых застарелых обидах и каком-то странном, запретном притяжении, которому я отказывалась давать имя.

Наконец уголок его идеальных губ чуть заметно дрогнул в холодной, жестокой усмешке.

— Хорошо, мисс Хейс, — тихо выдохнул он, не разрывая зрительного контакта. — Вы официально приняты на испытательный срок. Ваша персональная преисподняя начнется завтра ровно в восемь утра. Смотри не опоздай.

Глава 2. Хлоя. Добро пожаловать в ад

Семь сорок пять утра следующего дня. Мои новые черные лакированные лодочки, купленные на последние деньги в дисконт-центре, уже успели стереть пятки в кровь, но я заставила себя переступить порог приемной на сорок восьмом этаже уверенным, чеканящим шаг.

— Доброе утро, — я подошла к просторной стеклянной стойке ресепшена, за которой сидела та самая девушка с безупречным каре и яркой матовой помадой.

Она подняла на меня свои выразительные глаза, в которых отчетливо читалась сложная смесь искренней жалости, профессионального ужаса и жгучего женского любопытства.

— Ты, должно быть, та самая сумасшедшая Хлоя, рискнувшая занять это кресло. Я Джессика, — она слегка понизила голос, хотя в огромном приемном зале мы находились абсолютно одни. — Официально приветствую тебя на эшафоте. Ты новенькая смертница на заклание.

— Всё действительно настолько плохо, как кажется со стороны? — горько усмехнувшись, попыталась разрядить обстановку я, хотя внутри все сжималось в ледяной комок.

Джессика выразительно закатила глаза к потолку и нервно постучала алым ногтем по столешнице.

— Милая моя, я понятия не имею, какими черными заговорами ты пробила его броню на собеседовании, но твоя предшественница в истерике выбежала из этого кабинета ровно на третий день, рыдая навзрыд. Запомни базовые правила выживания, если хочешь дожить до конца недели: никогда, слышишь, никогда не смотри ему в глаза дольше трех секунд. Не спорь с ним ни по какому поводу — для него существует только его мнение и ошибочное. Кофе он пьет строго черный, без единой граммульки сахара, температура должна быть ровно восемьдесят два градуса. Если босс молчит целый день — это вовсе не значит, что он доволен твоей работой. Это значит, что в эту самую секунду его гениальный мозг разрабатывает изощренную стратегию твоего увольнения. Уяснила?

Я тяжело сглотнула слюну, чувствуя, как внутри меня вместо страха закипает глухая, злая решимость. *«Разрабатывает стратегию увольнения»*. Картер Кросс три года назад уже отобрал у меня всё, что я любила. Больше у него просто не было рычагов влияния на меня.

Ровно в восемь часов ноль-ноль минут я уверенно толкнула дверь, ведущую в личную приемную, примыкающую к его кабинету. Через звуконепроницаемую стеклянную перегородку я отчетливо видела его. Картер уже был на месте, словно вовсе не покидал этот офис на ночь. Он сидел без пиджака, рукава его идеально выглаженной белоснежной рубашки были небрежно закатаны до локтей, демонстрируя рельефные, сильные предплечья с легкой золотистой дымкой волос. Его лицо выражало такое свирепое, абсолютное сосредоточение на графиках в мониторе, будто он собирался силой мысли испепелить корпоративных конкурентов.

Я сделала глубокий вдох, постучалась для приличия и вошла внутрь, бесшумно опуская на его полированный стол фарфоровую чашку с тем самым идеальным черным кофе.

Он даже не поднял головы в мою сторону, продолжая сверлить глазами экран.

— На твоем рабочем столе лежат три объемные папки с детальными финансовыми отчетами по нашему слиянию с технологическим гигантом «Орион Тек», — его низкий голос прозвучал сухо, холодно и отрывисто, словно удары армейского хлыста. — К концу рабочего дня мне необходима готовая сводная аналитика ключевых рисков, глубокая перекрестная проверка всех материальных активов и презентация для экстренного заседания совета директоров.

Я на секунду замерла, ошеломленная масштабом поставленной задачи.

— Когда именно вы хотите увидеть этот результат на своем столе?

Картер наконец медленно оторвал взгляд от монитора. Его темные, непроницаемые глаза в упор встретились с моими, и в просторном кабинете мгновенно стало физически не хватать кислорода.

— Сегодня ровно в шесть часов вечера. Ни минутой позже.

Это была заведомо, демонстративно невыполнимая задача. Такой объем аналитической работы обычно поручали целому профильному департаменту из десяти человек как минимум на неделю кропотливых расчетов. Он прекрасно знал это. Я тоже прекрасно это понимала. Это был чистой воды психологический тест, проверка на прочность — он бросал мне вызов в надежде, что я испугаюсь, сломаюсь под этим прессом и сбегу сама.

— Что-то не так, мисс Хейс? — в его бархатном голосе отчетливо скользнула ядовитая, издевательская нотка. — Задание показалось слишком сложным для выпускницы экономического факультета? Если у тебя слабые нервы, ты можешь прямо сейчас написать заявление по собственному желанию. Бланк у Джессики на стойке.

Я резко вскинула подбородок, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Образ брата в больнице вспыхнул перед глазами яркой вспышкой, выжигая страх.

— Всё в абсолютном порядке, мистер Кросс. К шести часам вечера всё будет у вас на столе.

Я развернулась на каблуках с грациозной холодностью и вышла из кабинета, спиной физически ощущая его тяжелый, прожигающий взгляд.

Следующие десять часов превратились в сюрреалистический кошмар, в бесконечную карусель из цифр, формул, макросов и литров крепкого кофе. Я даже не вставала из-за стола, пропустив обеденный перерыв. Я совершенно не чувствовала адской боли в стертых в кровь ногах. Я превратилась в бесчувственный робот, работающий на чистой, концентрированной силе ненависти к человеку, который сидел за стеклянной стеной. Несколько раз за день я случайно ловила на себе его пристальный взгляд — темный, гипнотический, обжигающий даже на расстоянии, но стоило мне поднять голову, как он демонстративно возвращался к своим документам.

Без пяти минут шесть я закончила последние штрихи презентации, отправила файлы на печать, скрепила страницы дрожащими от перенапряжения пальцами и шагнула в его кабинет.

Я молча положила увесистую папку в центр его стола.

— Сводная аналитика рисков, полная проверка активов и готовая презентация для совета директоров. Именно так, как вы заказывали, мистер Кросс.

Картер медленно откинулся назад на спинку своего кожаного кресла. Он смотрел на лежащую папку так, будто это была ядовитая тропическая змея. Затем его холодный взгляд скользнул по мне — по моим растрепавшимся волосам, бледной коже лица с синяками от недосыпа и слегка помятой блузке. Тишина в помещении стала звенящей.

Он протянул руку, открыл папку и начал методично, страница за страницей, просматривать отчет. Прошла минута. Две. Пять долгих минут.

Я стояла неподвижно, сцепив руки за спиной настолько сильно, что ногти болезненно впивались в кожу. Если бы он сейчас сказал, что всё сделано неверно, я бы расплакалась прямо перед ним.

Наконец Картер с глухим стуком захлопнул папку. Его лицо осталось совершенно непроницаемым. Лед. Чистый, безжалостный арктический лед.

— Вы свободны, мисс Хейс, — ровным, бесцветным тоном произнес он.

Ни единого слова благодарности. Ни малейшего признания того, что я совершила невозможное за один день.

— До завтра, мистер Кросс, — сквозь зубы процедила я, круто разворачиваясь к выходу.

— Мисс Хейс, подождите, — его низкий голос мгновенно остановил меня у самой двери. Я медленно обернулась. Картер смотрел на меня из-под слегка опущенных темных ресниц, и в глубине его глаз на секунду мелькнуло что-то дикое, темное, совершенно нечитаемое. — Завтра мы летим в срочную командировку в Чикаго. Жду вас в офисе завтра в шесть утра. И

да, ради всего святого, купите себе нормальный кофе — от вашей дешевой бурды невыносимо болит голова во всем крыле.

Я яростно стиснула зубы, чтобы не высказать ему всё, что думаю, коротко кивнула и вылетела за дверь.

Я только что выиграла свой первый раунд в этой войне. Но настоящая буря была еще впереди.

Глава 3. Трещина во льду

Тишина ночного офиса на сорок восьмом этаже всегда действовала на меня успокаивающе. Город под ногами расстилался мириадами огней, превращаясь в безмолвную, математически точную шахматную доску, где каждый ход, каждое слияние и поглощение были просчитаны мной наперед. Я привык контролировать всё: фондовый рынок, высокорисковые активы, людей вокруг себя, собственное ровное дыхание. Моя жизнь была выстроена из холодных алгоритмов и безупречной дисциплины.

Но сегодня этот идеальный, стерильный порядок дал заметную, раздражающую трещину.

Я медленно откинулся на высокую спинку кожаного кресла, устало потер переносицу и бросил тяжелый взгляд на увесистую картонную папку, лежащую точно посередине моего идеального стола. Рядом в хрустальном бокале остывал и терял вкус дорогой односолодовый виски, к которому я за весь вечер так и не притронулся. Взгляд снова и снова возвращался к ровным строчкам отчета.

Хлоя Хейс.

Когда она появилась в моей личной приемной три дня назад — в этом нелепом, безвкусно пошитом дешевом костюме, с заметно дрожащими пальцами, но с безумным, обжигающим вызовом в упрямом взгляде — я хотел раздавить ее в первые же две минуты нашего разговора. Я дал ей заведомо невыполнимую, физически неподъемную для одного человека задачу по слиянию с «Орион Тек». Целый аналитический отдел из десяти высокооплачиваемых сотрудников ковырялся бы в этих запутанных финансовых отчетах минимум неделю, срывая дедлайны и жалуясь на переработки. Я искренне рассчитывал, что она сломается к обеденному перерыву, в истерике расплачется, бросит бейдж мне в лицо и сбежит, навсегда избавив меня от этого ежедневного мазохизма, от необходимости видеть ее здесь.

Вместо этого она молча, стиснув зубы, пахала десять часов подряд. Без перерыва на обед. На стертых в кровь ногах, даже не пытаясь показать слабость.

Я снова и снова вспоминал ее осунувшееся лицо в тот момент, когда она положила готовую папку прямо передо мной. Бледное, до предела измученное напряжением, с глубокими темными тенями под глазами, но с невероятно гордо, с вызовом вскинутым подбородком. В ней не осталось абсолютно ничего от той наивной, испуганной девчонки трехлетней давности, чей беззаботный, теплый мир я хладнокровно и расчетливо разрушил в суде. Теперь передо мной стояла взрослая, отчаянная женщина, готовая с каменным лицом пойти по трупам конкурентов и по собственным принципам ради своей неведомой цели. И эта яростная, слепая целеустремленность, помноженная на глухую ненависть ко мне, почему-то сводила меня с ума, лишая привычного контроля над собой.

Я вспомнил ее запах — странная, будоражащая рецепторы смесь дорогого цветочного парфюма и дешевого, пережаренного офисного кофе из автомата, от которого меня почему-то не тошнило, как я ожидал, а который, наоборот, преследовал меня весь этот чертов вечер. Каждый раз, когда я вдыхал воздух в кабинете, мне казалось, что она всё еще стоит у моего стола.

— Завтра мы летим в Чикаго, — грубо бросил я ей на прощание, сам до конца не осознавая, зачем мне понадобилось тащить ее, неопытную ассистентку, в эту сложную командировку, где предстояли жесткие переговоры.

Правда заключалась в том, что я просто не хотел выпускать ее из поля своего зрения. Мне физически было необходимо держать ее рядом, под рукой, под своим постоянным, прицельным контролем, чтобы доказать самому себе одну простую истину: она всего лишь моя подчиненная. Обычная, заменимая пешка в большой корпоративной игре. Никто. Пустое место, инструмент для достижения целей.

Я резко, отбрасывая сомнения, встал из-за стола, подошел к панорамному окну во всю стену и прижался горячим лбом к прохладному стеклу. В темном отражении ночного мегаполиса, среди неоновых огней, на секунду промелькнуло ее упрямое лицо.

Я думал, что заставлю ее невыносимо страдать в этих стенах. Но вместо этого я, кажется, собственноручно запустил механизм, который больше не смогу остановить. Завтра будет Чикаго. И эта поездка станет испытанием на прочность вовсе не для нее. А для меня.

Глава 4. Воздух на двоих

Шесть часов утра на взлетной полосе частного закрытого терминала в Нью-Джерси встретило меня пронизывающим до костей, влажным ледяным ветром и густым серым туманом. Мои натертые до открытых ран ноги отчаянно и болезненно бунтовали в узких деловых туфлях, а в тяжелой голове назойливо гудело после жалких двух часов тревожного, прерывистого сна. Я искренне рассчитывала хотя бы в самолете выдохнуть, расслабить сведенные судорогой мышцы спины, закрыть воспаленные глаза и немного подремать в тишине.

Я не учла лишь одну маленькую, но критическую деталь. Это был далеко не регулярный коммерческий рейс с сотнями шумных пассажиров, где можно легко забиться на самый задний ряд, натянуть на глаза маску для сна и благополучно притвориться невидимкой. Это был личный, эксклюзивный джет Картера Кросса — территория, где существовали только его правила.

Когда я, спотыкаясь от усталости, поднялась по металлическому трапу, внутри роскошного салона пахло дорогим элитным парфюмером, свежей кожей ручной выделки и почему-то горьким темным шоколадом. Внутреннее пространство самолета больше напоминало шикарный, обставленный по последнему слову техники гостиничный номер, чем транспортное средство: глубокие, мягкие кожаные кресла-диваны кремового цвета, длинный полированный стол из темного экзотического дерева, встроенный мини-бар и приглушенный, рассеянный теплый свет.

Картер уже сидел на своем любимом месте у большого иллюминатора. Без строгого пиджака, в расстегнутой на пару верхних пуговиц белоснежной хлопковой рубашке, с тонким графитовым планшетом в руках. Он даже не поднял головы, когда я вошла в салон, но воздух в замкнутом пространстве моментально стал тяжелым, густым и наэлектризованным, словно перед мощной грозой.

— Садись, мисс Хейс, — его низкий, пробирающий до мурашек голос прозвучал обманчиво лениво, но абсолютно властно. — Полет до пункта назначения займет ровно два часа. И я рассчитываю детально разобрать с тобой всю финансовую модель по слиянию с «Орион Тек» прямо здесь, в воздухе, а не бездарно тратить на это драгоценное время в Чикаго.

Я с такой силой стиснула челюсти, что едва не скрипнула зубами, проглотила готовую сорваться с языка едкую дерзость и опустилась на широкое кожаное кресло прямо напротив него, аккуратно, стараясь не дрожать, складывая увесистые папки на полированный столик.

Самолет плавно, почти незаметно для вестибулярного аппарата оторвался от земли, стремительно набирая высоту и прорезая низкие облака. Огни просыпающегося утреннего Манхэттена за овальным иллюминатором начали стремительно уменьшаться, превращаясь в крошечные, мерцающие в тумане точки. Я открыла тонкий рабочий ноутбук, стараясь изо всех сил сосредоточиться на бесконечных рядах цифр, но каждая строчка отчаянно расплывалась перед глазами от дикой усталости и недосыпа.

— Ты бледная, как сама смерть, Хлоя, — в его тихом голосе неожиданно проскользнула осязаемая, холодная насмешка. Он медленно, с достоинством хищника отложил планшет на край стола и откинулся на спинку кресла, пристально, не мигая, разглядывая мое лицо. — Неужели вчерашний вечер дался тебе гораздо тяжелее, чем ты так отчаянно пыталась мне показать?

Я резко подняла на него покрасневшие глаза. Внутри меня тут же зашевелилась знакомая, спасительная, очищающая злость.

— Переживать за мою работоспособность совершенно не стоит, мистер Кросс. Я выполняю свои прямые обязанности лучше, чем кто-либо другой на всем вашем этаже. А как именно я при этом выгляжу — это совершенно не ваше дело.

Картер не спеша подался вперед. Расстояние между нами мгновенно сократилось до критического, недопустимого минимума. От его крупного тела исходило такое сильное, давящее, почти животное тепло, что у меня перехватило дыхание, а легкие отказались впускать кислород. Он медленно протянул свою руку с длинными, сильными пальцами и неожиданно — так непозволительно близко, что я почувствовала пряный запах его кожи — коснулся подушечками пальцев гладкого алюминиевого уголка моего ноутбука, властным жестом сдвигая его в сторону. Его горячие пальцы на какую-то долю секунды, словно случайно, задели тыльную сторону моей ледяной ладони. Разряд тока прошел по коже так резко, так ощутимо, что я инстинктивно отдернула руку, будто обжегшись о раскаленную плиту.

В его непроницаемых темных глазах на один короткий миг погасла вся напускная деловая холодность и отстраненность. В них явственно плескалось что-то темное, хищное, первобытное и невыносимо голодное.

— Ты слишком смело дерзишь своему боссу на высоте десяти тысяч метров, мисс Хейс, — очень тихо, почти шепотом произнес он, и в его низком голосе отчетливо послышался бархатный, глубокий грудной хрип, от которого по спине пробежали мурашки. — Будь осторожнее в своих словах. Здесь, наверху, совершенно некому тебя защитить, если я вдруг решу тебя сломать.

Я не моргая смотрела в его опасные, затягивающие, как омут, глаза и физически чувствовала, как пульс бешено, неровно бьется в моих висках. Это была уже давно не просто холодная корпоративная война между боссом и подчиненной. Это была откровенная, разрушительная игра с огнем, в которой мы оба добровольно, с каким-то мазохистским наслаждением поджигали фитиль.

Глава 5. Чужая территория

Чикаго встретил нас стеной косого, пронизывающего дождя и низкими свинцовыми тучами, которые, казалось, цеплялись за шпили небоскребов. Погода идеально отражала то мрачное, тяжелое напряжение, которое сгустилось между нами в салоне самолета и теперь перетекло на заднее сиденье представительского черного внедорожника, везущего нас в отель.

Я сидел, откинувшись на спинку кожаного сиденья, и сквозь полуприкрытые веки наблюдал за Хлоей. Она отвернулась к тонированному окну, делая вид, что увлеченно рассматривает размытые дождем улицы Города Ветров. Ее профиль на фоне серого света казался заострившимся, почти хрупким, но я знал, что эта хрупкость — лишь оптическая иллюзия. Под ее бледной кожей скрывался стальной стержень, который я сам же и выковал три года назад, когда уничтожил империю ее отца.

Мои пальцы до сих пор помнили обжигающий холод ее кожи, когда я случайно коснулся ее руки в самолете. Этот крошечный физический контакт ударил по моим нервам сильнее, чем ударная доза кофеина. И меня дико злило то, что я вообще обратил на это внимание.

Внедорожник плавно затормозил у главного входа в отель «Пенинсула». Швейцары мгновенно распахнули дверцы, укрывая нас огромными черными зонтами.

— Номер забронирован на мое имя, — бросил я администратору на ресепшене, не сбавляя шага и направляясь прямиком к лифтам для VIP-гостей. Хлоя, стуча каблуками по мраморному полу, едва поспевала за мной со своей дешевой дорожной сумкой, от помощи с которой она категорически отказалась.

Когда двери лифта бесшумно открылись на самом верхнем этаже, мы вышли в приватный холл. Я приложил электронный ключ к массивным двустворчатым дверям Президентского люкса и толкнул их.

Просторная гостиная с панорамными окнами, роялем в углу и массивными хрустальными люстрами утопала в роскоши. Хлоя замерла на пороге, ее глаза быстро просканировали пространство, а затем остановились на мне. В ее взгляде появилось подозрение.

— Мистер Кросс, — ее голос прозвучал подчеркнуто официально, но я уловил в нем легкую дрожь. — А где мой номер?

Я неторопливо снял пальто, бросил его на спинку дивана и повернулся к ней, засунув руки в карманы брюк.

— Твоя спальня направо по коридору. Моя — налево. Гостиная и рабочая зона у нас общие.

— Вы поселили нас в одном номере? — ее глаза вспыхнули зеленым огнем, а тонкие пальцы до побеления в костяшках сжали ручку несчастной сумки. — Это возмутительно. Я требую отдельный номер на другом этаже.

— Это Президентский люкс, мисс Хейс, — ледяным тоном оборвал ее я, наслаждаясь тем, как краска гнева заливает ее бледные щеки. — Здесь две изолированные спальни с отдельными ванными комнатами. Я привез вас сюда не для отдыха, а для круглосуточной работы над сделкой. Мне нужно, чтобы мой ассистент был под рукой в любую минуту, а не прохлаждался на другом конце здания. Если вас не устраивают условия моей корпоративной этики — аэропорт там же, где мы его оставили.

Она смотрела на меня так, будто мысленно уже перерезала мне горло канцелярским ножом. Но затем, тяжело сглотнув, она резко кивнула, развернулась и скрылась за дверью своей спальни, громко хлопнув ей напоследок.

Я остался один в гостиной, чувствуя, как пульс медленно возвращается в норму. Я солгал ей. Отель был полупустым, и я мог снять для нее любой номер. Но мысль о том, что она будет находиться вне зоны моего контроля, за закрытой дверью чужого номера, почему-то вызывала

во мне глухое, иррациональное раздражение. Я хотел, чтобы она была здесь. На моей территории.

Через два часа нам предстоял решающий ужин с советом директоров «Орион Тек». Я знал, что в ее дорожной сумке нет ничего, кроме этого ужасного серого костюма, который кричал о ее нищете. Позволить ей появиться в таком виде на переговорах стоимостью в триста миллионов долларов было бы стратегической ошибкой. По крайней мере, именно этим я оправдывал свой следующий поступок.

Я достал телефон и набрал номер консьерж-сервиса.— Мне нужно вечернее платье. Темно-изумрудное. Размер S. Строгое, но элегантное. И туфли на шпильке к нему. Доставьте в люкс через тридцать минут.

Ровно в семь вечера я стоял в гостиной, поправляя запонки на манжетах свежей рубашки, когда дверь ее спальни тихо открылась.

Я обернулся и на несколько долгих секунд забыл, как дышать.

Изумрудный шелк платья, которое я выбрал, сидел на ней так, будто был сшит на заказ. Оно облегало ее стройную фигуру, оставляя открытыми хрупкие ключицы, а глубокий, насыщенный цвет невероятно подчеркивал зелень ее глаз. Она распустила волосы, и теперь они тяжелыми темными волнами падали ей на плечи. Вместо забитой, уставшей ассистентки передо мной стояла роскошная, опасная женщина.

— Вы прислали это мне, — это был не вопрос. Она смотрела на меня с холодной враждебностью, словно платье было измазано ядом.

— Вы представляете «Кросс-Индастриз», мисс Хейс, — мой голос прозвучал чуть хриплее обычного, и я откашлялся, надевая свою привычную ледяную маску. — Выглядеть безупречно — часть вашей работы. Полагаю, стоимость этого платья превышает ваш годовой бюджет, так что считайте это корпоративным бонусом.

Она вскинула подбородок.— Я верну его вам сразу после ужина, мистер Кросс. Я не нуждаюсь в ваших подачках.

— Оставите себе. Мне не нужны подержанные вещи, — парировал я, открывая перед ней входную дверь. — Идем. Нас ждут.

Ресторан внизу был заполнен элитой Чикаго. Забронированный приватный зал скрывал нас от лишних глаз. Маркус Вэнс, генеральный директор «Орион Тек», оказался мужчиной лет сорока с цепким взглядом и неприятной привычкой слишком долго задерживать внимание на женщинах.

С того момента, как мы вошли, его глаза буквально приклеились к Хлое.

Во время подачи закусок мы обсуждали цифры. Хлоя работала безупречно. Она подавала мне нужные документы еще до того, как я успевал о них попросить, сыпала точными статистическими данными и аналитикой, которую подготовила прошлой ночью. Она была гениальна. И Вэнс это тоже заметил.

— Картер, где ты прятал такое сокровище? — Вэнс откинулся на спинку стула, не сводя сального взгляда с ключиц Хлои. — Умная, потрясающе красивая... Мисс Хейс, если этот тиран когда-нибудь вас уволит, мои двери всегда открыты для вас. С повышением зарплаты, разумеется.

Он протянул руку и накрыл ладонь Хлои, лежащую на столе.

Внутри меня что-то с оглушительным треском оборвалось. Кровь в ту же секунду вскипела, заливая разум слепой, первобытной яростью. Я посмотрел на чужую руку, касающуюся ее кожи, и мне захотелось сломать Вэнсу пальцы. Один за другим. Медленно.

Хлоя напряглась, но попыталась сохранить профессиональную улыбку, аккуратно высвобождая свою ладонь.

— Спасибо за предложение, мистер Вэнс, — холодно ответила она. — Но я предана своей текущей компании.

Я не выдержал. Я с громким стуком поставил свой бокал с вином на стол. Звук разнесся по приватному залу, как выстрел. Вэнс вздрогнул и перевел взгляд на меня.

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать кадровые перестановки, Маркус, — мой голос звучал тихо, но в нем лязгал металл. Я посмотрел ему прямо в глаза взглядом, который обещал уничтожение. — Мы здесь, чтобы подписать договор слияния. И если ты не хочешь, чтобы завтра утром акции твоей компании рухнули на пятнадцать процентов из-за пары моих звонков, мы вернемся к цифрам. Прямо сейчас. И руки держи при себе.

За столом повисла мертвая, удушливая тишина. Вэнс побледнел, осознав, что перешел черту, за которой начинается мой гнев.

Я бросил короткий взгляд на Хлою. Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, в которых читались шок и абсолютное непонимание. Она не ожидала, что я стану ее защищать.

Честно говоря, я и сам от себя этого не ожидал. Мой ледяной контроль, которым я так гордился, рушился на глазах, и причиной этого была женщина, которую я должен был ненавидеть.

Глава 6. Игра с огнем

Тишина в салоне черного внедорожника на обратном пути в отель была густой, тяжелой и совершенно невыносимой. Дождь за окнами Чикаго усилился, превратившись в сплошную стену воды, которая с агрессивным шипением хлестала по стеклам, но настоящий шторм бушевал прямо здесь, на заднем сиденье.

Я сидела, вжавшись в самый угол кожаного дивана, и изо всех сил старалась смотреть только в тонированное окно. Мои нервы были натянуты до звенящего предела.

Картер сидел рядом, излучая такую мрачную, почти физически осязаемую ярость, что воздух вокруг него казался наэлектризованным. Он не произнес ни слова с того самого момента, как мы покинули приватный зал ресторана, оставив побледневшего Вэнса осознавать последствия своей дерзости.

Перед моими глазами раз за разом прокручивалась эта невероятная, невозможная сцена. Картер Кросс, ледяной дьявол Уолл-стрит, человек, который три года назад методично, с бухгалтерской точностью уничтожил мою семью, вдруг превратился в дикого зверя только потому, что чужой мужчина посмел коснуться моей руки.

Я до сих пор помнила его взгляд. Тот темный, первобытный, сжигающий взгляд, в котором не осталось ничего от расчетливого генерального директора. И меня пугало то, как сильно, как отчаянно мое собственное сердце отреагировало на эту защиту.

Внедорожник остановился у отеля. Картер вышел первым, не дожидаясь швейцара, распахнул мою дверь и молча, непреклонным жестом указал в сторону входа. Мы прошли через роскошный холл отеля «Пенинсула» и поднялись в лифте на последний этаж в гробовом, удушающем молчании.

Как только электронный замок Президентского люкса щелкнул за нашей спиной, я скинула туфли на шпильках, чувствуя, как горят натертые ноги, и развернулась к нему, не в силах больше выносить эту неизвестность.

— Что это было, мистер Кросс? — мой голос прозвучал резче и громче, чем я планировала, разрезая тишину роскошной гостиной.

Картер медленно стянул с плеч дорогой пиджак, бросил его на спинку белоснежного дивана и начал с пугающей методичностью расстегивать верхние пуговицы своей рубашки. Он не торопился отвечать.

— Уточните ваш вопрос, мисс Хейс, — его голос был обманчиво ровным, но в нем все еще вибрировал подавленный гнев. — Если вы о блестяще проведенных переговорах, то я доволен вашей подготовкой. Слияние с «Орион Тек» почти у нас в кармане.

— Я не о чертовых цифрах, и вы это прекрасно знаете! — я шагнула к нему, чувствуя, как изумрудный шелк платья шуршит по ногам. — Я о том, что произошло за ужином. О вашей внезапной вспышке агрессии. О Вэнсе. Вы едва не сорвали сделку на триста миллионов долларов из-за того... из-за того, что он положил свою потную руку на мою ладонь.

Картер замер. Его руки опустились вдоль тела, и он медленно, словно хищник перед прыжком, повернулся ко мне.

— Я защищал репутацию своей компании, — ледяным тоном процедил он, хотя его темные глаза вспыхнули. — «Кросс-Индастриз» не торгует своими сотрудниками, и я не потерплю, чтобы какой-то стареющий неудачник распускал руки на моей территории.

— На вашей территории? — я горько рассмеялась, чувствуя, как адреналин сжигает остатки благоразумия. — Я не ваша собственность, Картер. Вы наняли меня работать личным ассистентом, а не играть роль трофейной куклы, которую вы ревностно охраняете от конкурентов.

Он сделал резкий шаг вперед. Я инстинктивно отступила назад, пока не уперлась спиной в массивный полированный стол.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, Хлоя, — его голос понизился до опасного, бархатного шепота. Он подошел так близко, что я снова почувствовала этот сводящий с ума терпкий запах черного перца и миндаля. — Ты думаешь, это была игра? Ты думаешь, мне доставляет удовольствие смотреть, как этот ублюдок пожирает тебя глазами в платье, которое я для тебя купил?

Мое дыхание перехватило. В груди стало невыносимо жарко.

— Вы купили его не для меня. Вы купили его для имиджа компании, — выдохнула я, упрямо вздернув подбородок, отказываясь отводить взгляд. — Так же, как три года назад вы раздавили моего отца ради имиджа компании. Для вас всё — лишь цифры на счетах. У вас нет ни сердца, ни совести.

Вместо того чтобы взорваться, Картер вдруг медленно поднял руку. Его длинные пальцы, горячие и сильные, скользнули по моей шее, заправив тяжелую прядь волос за ухо. От этого легкого, обжигающего прикосновения по моему позвоночнику пробежала крупная дрожь.

— Ты так отчаянно хочешь верить в то, что я монстр, — тихо, почти с сожалением произнес он, не убирая руку с моей шеи. Его большой палец невесомо погладил мою бьющуюся жилку. — Это спасает тебя. Это дает тебе цель вставать по утрам. Но мы оба знаем, Хлоя, что если бы я действительно был тем бездушным дьяволом, которым ты меня считаешь, я бы позволил Вэнсу делать с тобой всё, что он захочет, ради подписания этого контракта.

Он был так близко, что я видела золотистые крапинки в глубине его темных глаз. Мое тело предательски реагировало на его близость: пульс стучал в висках набатом, а легкие отказывались впускать кислород. Я ненавидела его. Я должна была оттолкнуть его, ударить по руке, выкрикнуть проклятия.

Но вместо этого я стояла не шевелясь, парализованная этой странной, токсичной, разрушительной тягой.

— Зачем вы взяли меня в Чикаго? — прошептала я, чувствуя, как мои губы дрожат. — Зачем поселили в этом номере? Зачем всё это?

Его взгляд скользнул с моих глаз на приоткрытые губы. Тишина в гостиной стала звенящей.

— Потому что я теряю над собой чертов контроль, — хрипло признался Картер, и в следующее мгновение его пальцы зарылись в мои волосы, с силой притягивая меня к себе.

Глава 7. Точка невозврата

Его пальцы, запутавшиеся в моих волосах, казались раскаленными. Он притянул меня к себе так резко, что я ударилась грудью о его твердую, напряженную грудную клетку. Воздух в Президентском люксе мгновенно сжался, выбивая остатки кислорода из легких.

Я смотрела в его глаза — обычно холодные, расчетливые, как сталь сейфовой двери. Но сейчас в них полыхал настоящий, неконтролируемый пожар. Он тяжело дышал, его лицо было так близко, что я чувствовала жар его кожи.

— Картер... — мое собственное имя на его губах, прозвучавшее хриплым, ломаным шепотом, стало последней каплей, разрушившей мои защитные стены.

Он не дал мне договорить. Его губы накрыли мои с такой первобытной, собственнической яростью, что я инстинктивно вцепилась обеими руками в лацканы его расстегнутой рубашки. Это был не нежный, осторожный поцелуй. Это было столкновение двух катастроф. Это была отчаянная жажда, помноженная на три года накопленной ненависти, боли и того темного магнетизма, который мы оба так долго игнорировали.

Он целовал меня жадно, властно, сминая мои губы, заставляя приоткрыть рот. Вкус терпкого дорогого вина смешался с привкусом опасности и чего-то невероятно горького, словно мы оба понимали, что совершаем непоправимую ошибку, но не могли остановиться. Его рука скользнула по моей спине, сминая безупречный изумрудный шелк платья, прижимая меня к себе еще теснее, так, чтобы я почувствовала каждую мышцу его тела.

Я отвечала ему с такой же дикой отдачей. Мои пальцы, забыв обо всей ненависти, о больничных счетах Лео, о рухнувшей жизни, путались в его темных, густых волосах, притягивая его ближе. Я кусала его губы, я хотела причинить ему такую же боль, какую он причинял мне каждый день своим холодным презрением. Но эта боль почему-то превращалась в обжигающее наслаждение.

Картер оторвался от моих губ на долю секунды, только чтобы тяжело, судорожно вдохнуть. Его глаза были почти черными.

— Я ненавижу то, что ты со мной делаешь, Хлоя, — прорычал он, и прежде чем я успела осмыслить эти слова, он подхватил меня под бедра, легко отрывая от пола.

Я вскрикнула, инстинктивно обхватив его талию ногами, пока он нес меня через гостиную. Мир вокруг смазался. Хрустальные люстры, панорамные окна, дорогой ковер — всё это перестало существовать. Остались только его горячие руки, его запах и колотящееся о мои ребра сердце.

Он плечом толкнул тяжелую дверь своей спальни и бросил меня на огромную, застеленную белоснежным шелком кровать. Я даже не успела подняться на локтях, как он оказался сверху, нависая надо мной, словно грозовая туча. Его взгляд лихорадочно скользил по моему растрепанному виду, по тяжело вздымающейся груди в вырезе платья.

— Ты должна была просто быть моей ассистенткой, — его голос сорвался, когда он наклонился, оставляя горячий, влажный поцелуй на моей открытой шее. Я выгнулась дугой, невольно застонав, когда его губы коснулись пульсирующей жилки. — Ты должна была сломаться в первый же день.

— Вы плохо меня знаете, мистер Кросс, — выдохнула я, запуская пальцы под его рубашку и проводя ногтями по напряженным мышцам спины. Он глухо зарычал от этого прикосновения.

Его руки одним резким движением нащупали скрытую молнию на спине моего платья. Звук расходящейся застежки прозвучал как выстрел стартового пистолета в тишине комнаты. Изумрудный шелк скользнул с моих плеч, обнажая кожу. Картер замер, разглядывая меня с таким голодным восхищением, что у меня перехватило дыхание.

В эту ночь не было места для нежности. Была только страсть, замешанная на гневе, на отчаянном желании доказать свое превосходство, на потребности владеть друг другом. Мы боролись, мы кусались, мы оставляли следы на коже, словно клеймили друг друга. Это была война, в которой не было победителей, потому что мы оба сдавались в плен.

Когда всё закончилось, и тишину нарушало только наше тяжелое, прерывистое дыхание, я лежала на его груди, слушая гулкие удары его сердца. Комната тонула в полумраке. Моя кожа горела там, где ее касались его руки.

Я закрыла глаза, и реальность с размаху ударила меня по лицу.

Что я наделала? Я только что разделила постель с человеком, который уничтожил моего отца. С человеком, чьи деньги были единственной надеждой на спасение моего брата. Я перешагнула черту, за которой возврата не было. Я продала не просто свое время. Я отдала ему часть своей души, которую так отчаянно пыталась защитить.

Картер шевельнулся, его рука собственнически скользнула по моей талии, прижимая ближе. Но я знала, что как только наступит утро, этот морок рассеется, и мы снова станем врагами. Или чем-то гораздо, гораздо хуже.

Глава 8. Пепел

Серый, безжалостный рассвет Чикаго пробивался сквозь неплотно задернутые плотные шторы Президентского люкса, разрезая полумрак спальни холодной полосой света. Дождь, бушевавший всю ночь, наконец стих, оставив после себя лишь монотонный гул просыпающегося мегаполиса за окном.

Я лежал на спине, не шевелясь, уставившись в безупречно белый потолок, и чувствовал, как рушится, осыпаясь кусками, моя идеально выстроенная империя контроля. Моя правая рука затекла, потому что на моем плече, уткнувшись носом в мою ключицу, спала Хлоя. Ее теплое, размеренное дыхание обжигало мою кожу, а темные волосы разметались по белоснежным наволочкам, создавая контраст, от которого я не мог отвести глаз.

Она спала так безмятежно, словно не находилась в постели с человеком, которого поклялась ненавидеть до конца своих дней. В состоянии покоя, когда с ее лица исчезала эта упрямая, колючая маска враждебности, она казалась невероятно хрупкой. Я осторожно, боясь разбудить, перевел взгляд на ее профиль. Тонкая линия скул, длинные ресницы, отбрасывающие тени на бледную кожу, слегка припухшие губы — следы моей вчерашней потери контроля.

Дьявол.

Я закрыл глаза, чувствуя, как внутри нарастает глухое, тяжелое раздражение. Но злился я не на нее. Я злился на себя. Я — Картер Кросс, человек, который просчитывает риски на десять шагов вперед, алгоритм, лишенный сентиментальности. Я никогда не смешивал бизнес и личную жизнь, и уж тем более никогда не позволял эмоциям диктовать мои поступки. До вчерашнего вечера.

Три года назад я уничтожил компанию ее отца, Ричарда Хейса. Хлоя считала меня кровожадным монстром, поглотившим честный семейный бизнес ради амбиций. Она не знала правды. Она не знала, что ее идеальный отец годами выводил деньги через подставные фонды, обкрадывая инвесторов, среди которых были люди, доверившиеся мне. Она не знала, что Ричард Хейс был трусом, который, когда запахло жареным, попытался переложить вину на своих подчиненных. Я раздавил его не из садистского удовольствия — я просто навел порядок на рынке, вырезав опухоль. То, что его семья оказалась на улице, было для меня лишь побочным, математическим ущербом.

Но когда три дня назад Хлоя вошла в мой кабинет, бледная, отчаявшаяся, с глазами, полными слез и непримиримой гордости, требуя работу ради спасения брата... что-то внутри меня дало сбой. Моя служба безопасности подготовила досье на нее в тот же день. Я знал о болезни Лео. Я знал о ее долгах. Я мог бы просто выписать чек анонимно и отправить ее прочь. Но вместо этого я приковал ее к себе. Я убеждал себя, что хочу сломать ее упрямство, доказать, что она ничем не отличается от других. Но правда, открывшаяся мне в этой тихой, пропахшей сексом и терпким парфюмом спальне, была куда страшнее.

Я хотел ее.

Хлоя тихо вздохнула во сне и пошевелилась. Я замер. Ее ресницы дрогнули, брови слегка нахмурились, словно она пыталась вырваться из остатков сна. Она медленно открыла глаза. Секунду ее взгляд был расфокусированным, сонным, почти нежным. Она посмотрела на меня, на мою обнаженную грудь, на наши переплетенные под одеялом ноги.

А затем реальность обрушилась на нее бетонной плитой.

Я физически почувствовал, как она напряглась. Мягкость исчезла из ее зеленых глаз со скоростью света, уступив место панике, а затем — чистому, ледяному ужасу. Она резко отшатнулась от меня, натягивая белоснежную простыню до самого подбородка, словно щит.

— Доброе утро, мисс Хейс, — мой голос прозвучал сухо и хрипло. Я не стал отодвигаться, оставаясь лежать на своем месте, изучая ее реакцию с холодной отстраненностью, которую на самом деле не чувствовал.

— О боже... — прошептала она, глядя на разбросанную по ковру одежду — мой пиджак, ее разорванное изумрудное платье. — Что я наделала.

— То, чего мы оба хотели с того момента, как оказались в самолете, — жестко констатировал я, садясь на кровати. Одеяло скользнуло вниз, открывая мой торс. Хлоя судорожно отвела взгляд.

— Нет. Нет, это... это была фатальная ошибка, — ее голос дрожал, она начала лихорадочно озираться в поисках чего-то, что можно было бы надеть. — Этого не должно было случиться. Это затмение. Стресс. Алкоголь.

Моя челюсть сжалась. Ее отчаянное желание обесценить то, что произошло ночью, полоснуло по моему эго острее бритвы. Она смотрела на меня так, будто я был заразен. Мои защитные механизмы включились мгновенно, возводя непробиваемую стену льда.

— Алкоголя было недостаточно, чтобы оправдать твою отзывчивость, Хлоя, — язвительно бросил я, поднимаясь с постели и небрежно натягивая брюки. — Но если тебе так легче справляться с угрызениями совести — называй это стрессом. Вчера был тяжелый день, мы сбросили напряжение. Ничего личного. Только физиология.

Она замерла, прижимая к себе простыню. Мои слова ударили точно в цель. Я увидел, как в ее глазах блеснули слезы, но она упрямо сморгнула их, вскидывая подбородок с той самой гордостью, которая меня так бесила.

— Именно так, мистер Кросс, — ее голос зазвенел от напряжения, но она взяла себя в руки. — Только физиология. Это ничего не меняет. Вы по-прежнему человек, который разрушил мою семью, а я по-прежнему ненавижу вас. Эта ночь — просто досадный инцидент. Он больше не повторится.

— Разумеется. В контракте ассистента эти услуги не прописаны, — жестоко парировал я, направляясь к ванной. На пороге я обернулся. — У вас тридцать минут, чтобы привести себя в порядок. В девять ноль-ноль у нас вылет в Нью-Йорк. Надеюсь, ваш профессионализм не пострадал от этого «инцидента».

Я закрыл за собой дверь ванной комнаты, включил холодную воду и оперся руками о мраморную раковину, тяжело дыша. В зеркале отражался человек, которого я перестал узнавать.

Я только что оттолкнул ее самым жестоким образом, потому что знал: если бы я показал хоть каплю слабости, она бы использовала это против меня. Мы оба снова надели броню. Но, черт возьми, возвращаться в Нью-Йорк и делать вид, что между нами ничего не было, будет самой трудной задачей в моей жизни.

Глава 9. Цена моей души

Обратный перелет из Чикаго в Нью-Йорк прошел в такой густой, удушающей тишине, что стук моего собственного сердца казался мне оглушительным. Картер сидел в кресле напротив, уткнувшись в свой планшет, и за два часа не проронил ни слова. Его лицо снова превратилось в непроницаемую, высеченную из мрамора маску идеального генерального директора. Ни единого взгляда. Ни единого жеста, который выдал бы то, что произошло между нами этой ночью.

Я смотрела в иллюминатор на проплывающие внизу серые облака и чувствовала, как внутри меня медленно, но верно разрастается черная, всепоглощающая пропасть вины. Я физически ощущала на своей коже фантомные прикосновения его рук. Мои губы все еще помнили вкус его поцелуев, а тело предательски ныло, требуя продолжения того безумия, которое мы сотворили в Президентском люксе.

Но утренние слова Картера, брошенные с ледяным презрением, отрезвили меня лучше любой пощечины. *«Только физиология. Ничего личного».*

Я позволила себе слабость. Я поддалась на этот токсичный, разрушительный магнетизм и переспала с дьяволом, который три года назад методично стер в порошок жизнь моей семьи. Как я могла быть такой жалкой? Как я могла на секунду забыть, ради чего вообще переступила порог его башни?

Едва шасси частного самолета коснулись посадочной полосы в Нью-Джерси, я пулей вылетела из салона, коротко, сухо попрощавшись с боссом. Я не поехала домой, чтобы переодеться. Я поймала желтое такси и назвала адрес, который за последние полгода стал моим личным чистилищем — престижный медицинский центр на Верхнем Ист-Сайде.

Знакомый запах антисептика, хлорки и больничной еды ударил в нос, как только я переступила порог отделения интенсивной терапии. Медсестры на посту сочувственно кивнули мне. Я почти бегом преодолела длинный коридор и толкнула дверь в палату 412.

Лео не спал. Он сидел на больничной койке, обложенный подушками, и с сосредоточенным видом собирал небольшой конструктор, который я купила ему на прошлой неделе. Мое сердце болезненно сжалось. За те два дня, что меня не было, он казался еще меньше, еще прозрачнее. Синяки под его глазами стали темнее, а руки, перебирающие пластиковые детали, мелко дрожали от слабости.

— Эй, чемпион, — мой голос предательски дрогнул, но я тут же натянула на лицо самую широкую, самую фальшивую улыбку, на которую была способна. Я бросила сумку на стул и подошла к его кровати, наклоняясь, чтобы поцеловать его в теплую макушку. От него пахло детским шампунем и лекарствами.

— Хлоя! — его лицо озарилось слабой, но искренней радостью. Он отложил конструктор и слабо обнял меня за шею. — Ты вернулась. Я думал, ты приедешь только вечером.

— Я так спешила к тебе, что заставила самолет лететь быстрее, — пошутила я, садясь на край постели и осторожно поправляя трубку капельницы на его руке. — Как ты себя чувствуешь? Как прошла вчерашняя процедура?

— Нормально, — он пожал худыми плечами, отводя взгляд. Я знала этот жест. Это значило, что процедура была болезненной, его тошнило всю ночь, но он не хотел меня расстраивать. Мой десятилетний брат был гораздо сильнее меня. — А как твоя командировка? Твой новый босс... он всё еще такой же злой и страшный, как ты рассказывала?

Вопрос Лео ударил меня под дых. Перед глазами мгновенно вспыхнул образ Картера, нависающего надо мной в полумраке гостиничного номера, его горячие губы, его хриплый шепот. Меня затошнило от самой себя. Я сидела здесь, держа за руку умирающего брата, и краснела от воспоминаний о человеке, из-за которого мы оказались в этом аду.

— Да, милый. Он всё такой же тиран, — я сглотнула горький ком в горле и сжала тонкую ладошку Лео. — Но это не имеет значения. Мы заключили важную сделку. А это значит, что в конце месяца я получу не только огромную зарплату, но и хороший бонус. И, что самое главное, моя медицинская страховка вступает в силу через два дня. Она покроет всё, Лео. Твою новую терапию, витамины, реабилитацию.

— Правда? — в его глазах блеснула робкая надежда, ради которой я была готова убивать. — Значит, мне не придется больше пить те горькие таблетки, от которых болит живот?

— Доктор Эванс переведет тебя на лучшие препараты в стране. Я обещаю тебе.

Дверь палаты тихо скрипнула, и на пороге появился сам доктор Эванс — высокий седеющий мужчина с уставшим лицом. Он ободряюще улыбнулся Лео и жестом попросил меня выйти в коридор.

Я поправила одеяло брата и вышла за дверь. Улыбка мгновенно сползла с лица врача, как только мы оказались наедине в пустом коридоре.

— Мисс Хейс, — начал он, нервно потирая переносицу. — Анализы Лео за последние двое суток показывают отрицательную динамику. Стандартная химия перестала сдерживать рост клеток. Нам нужно срочно переводить его на экспериментальный протокол, о котором мы говорили. Но... руководство клиники давит. Ваша старая страховка аннулирована. Счет за эту неделю перевалил за тридцать тысяч долларов. Если до пятницы мы не получим подтверждение новой страховки от вашего работодателя или депозит, мне придется выписать Лео на паллиативное лечение домой.

Паллиативное лечение. Слово, означающее, что они просто дадут ему обезболивающее и отправят умирать.

Земля ушла у меня из-под ног. Я прислонилась спиной к прохладной стене, чувствуя, как паника ледяными когтями впивается в горло.

— Пятница... Сегодня среда, — прошептала я побелевшими губами. — У меня есть рабочий контракт с «Кросс-Индастриз». Корпоративная страховка активируется после испытательного срока, но я могу попросить аванс. Я достану деньги, доктор Эванс. Умоляю, просто начните терапию. Пожалуйста.

— Я даю вам время до утра пятницы, Хлоя. Это максимум, что я могу сделать, — тихо ответил врач и, сочувственно похлопав меня по плечу, ушел по коридору.

Я влетела в ближайшую уборную, заперла дверь и, опершись руками о край раковины, уставилась на свое отражение. Растрепанные волосы, бледное лицо, глубокие тени под глазами. На шее, чуть ниже линии воротника блузки, алел едва заметный след от поцелуя Картера Кросса.

Я с омерзением потерла это место, словно пытаясь стереть его с кожи.

До пятницы. Мне нужны были деньги Картера до пятницы. И я их получу. Даже если для этого мне придется продать ему свою душу целиком.

Больше никаких эмоций. Никаких слабостей. Никаких стонов в темноте Президентского люкса. Между нами нет ничего, кроме физиологии и сделки. Война продолжается, и теперь на кону стоит всё.

Глава 10. Цена сделки

Офис на сорок восьмом этаже встретил меня привычным, стерильным холодом и запахом озона от работающих кондиционеров. Нью-Йорк за панорамными окнами заливало безжалостным полуденным солнцем, но внутри меня всё еще бушевал чикагский шторм.

С момента нашего возвращения прошло чуть больше трех часов. Хлоя сбежала от меня еще на взлетной полосе, едва дождавшись, пока подадут трап. Я не стал ее останавливать. Мне нужно было это пространство. Мне нужно было вернуть себе ту ледяную, непробиваемую броню, в которой я существовал последние десять лет. Броню, которую одна отчаянная, ненавидящая меня девчонка в дешевом костюме умудрилась расколоть на мелкие куски за одну ночь.

Я сидел за своим массивным столом, тупо глядя в открытый на мониторе договор с «Орион Тек». Цифры, которые обычно складывались в моей голове в идеальные симфонии, сейчас казались бессмысленным набором символов. Каждый раз, когда я моргал, я видел ее растрепанные на белоснежных подушках темные волосы. Я чувствовал, как ее ногти впиваются в мою спину. Я слышал ее стон.

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели, и резко закрыл ноутбук.

Я должен был уволить ее. Прямо сейчас. Выписать щедрое выходное пособие, отправить документы курьером и забыть о ее существовании, как о страшном сне. Это был бы единственный логичный, безопасный выход. Но мысль о том, что она больше никогда не переступит порог этой приемной, что я больше не увижу этот зеленый, полыхающий яростью взгляд, вызывала во мне неконтролируемое, почти животное сопротивление. Я не мог ее отпустить.

Тяжелые двери моего кабинета открылись без стука.

Я вскинул голову, готовый разорвать любого, кто посмел нарушить мое уединение, но слова застряли в горле. На пороге стояла Хлоя.

Она не переоделась после рейса. Тот же строгий костюм, слегка помятый после перелета. Но изменилось кое-что другое. Ее глаза. В них больше не было ни искр гнева, ни вызова, ни той упрямой гордости, которая всегда держала ее спину неестественно прямой. Ее взгляд был пустым, темным и пугающе мертвым. Так смотрят люди, которые стоят на краю моста и уже сделали шаг в пустоту.

Она вошла в кабинет, плотно закрыла за собой дверь и повернула замок до щелчка. Звук прозвучал в тишине, как удар хлыста.

— Мисс Хейс, — мой голос прозвучал сухо и ровно, хотя пульс мгновенно ускорился. — Вы отсутствовали на рабочем месте три часа. Надеюсь, у вас есть веская причина.

Она подошла к моему столу и остановилась. Никаких дрожащих рук. Никаких эмоций.

— Мне нужны деньги, — ее голос был абсолютно бесцветным, лишенным каких-либо интонаций. — Мне нужен аванс в размере пятидесяти тысяч долларов. Сегодня. Либо немедленная активация расширенного пакета медицинской страховки с гарантийным письмом от вашей компании в клинику.

Я медленно откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок на животе. Внутри меня всё напряглось. Я знал, о чем она говорит. Моя служба безопасности положила досье на ее семью мне на стол еще до ее собеседования. Я знал о десятилетнем Лео, о его диагнозе и о том, что клиника вытягивает из Хлои последние центы. Но моя защитная реакция сработала быстрее здравого смысла.

— Выставляете счет за прошедшую ночь, Хлоя? — ядовито, с жестокой усмешкой протянул я. Мои слова были призваны ударить ее, вызвать вспышку ярости, заставить ее закричать на меня. Мне нужны были ее эмоции, чтобы доказать себе, что она всё еще жива.

Но она не вздрогнула. Она даже не моргнула. Она просто стояла и смотрела на меня, принимая этот оскорбительный удар, как должное.

— Называйте это как хотите, мистер Кросс, — тихо ответила она. — Можете оформить это как плату за эскорт-услуги, как корпоративный бонус, как ссуду под грабительский процент. Мне всё равно. Моего брата завтра утром выписывают из реанимации на паллиативное лечение, потому что старая страховка аннулирована, а моих сбережений не хватит даже на неделю. Если он не получит экспериментальный протокол химиотерапии до пятницы... он умрет.

Тишина, повисшая в кабинете, оглушала.

Ее спокойствие пугало меня до чертиков. Это было спокойствие человека, который только что продал свою душу и теперь просто ждал, когда покупатель заберет товар. Я смотрел на ее бледное лицо, на темные тени под глазами, на пульсирующую жилку на шее, там, где под воротником блузки я оставил свой след, и чувствовал, как меня затапливает жгучая, удушающая волна ненависти к самому себе.

Я играл в свои корпоративные игры, я пытался сломать ее гордость, пытался наказать ее за грехи отца, в то время как она боролась за жизнь ребенка.

Я резко подался вперед, положив руки на стол.

— Я не дам тебе пятьдесят тысяч, — мой голос стал низким и хриплым.

Она прикрыла глаза, и я увидел, как ее плечи едва заметно опустились, словно на них рухнул невидимый небоскреб. Она собиралась развернуться и уйти. Уйти навсегда.

— Я переведу на счет клиники сто пятьдесят, — жестко продолжил я, заставив ее распахнуть глаза. — Это покроет весь экспериментальный протокол, реабилитацию и любые дополнительные расходы. Страховка будет активирована через пять минут, я лично позвоню главному врачу. Никто не выпишет твоего брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.